В.А. Исаков

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским в развитии политической коммуникации

В статье впервые в отечественной историографии рассматривается значение переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским в становлении и развитии политической рекламы и коммуникации в России. Исследование осуществлено на основе историко-типологического и сравнительно-исторического методов. Показано столкновение двух принципиально противоположных подходов в понимании сущности политической дискуссии, ее места в общественной жизни.

Ключевые слова: переписка; дискуссия; политическая коммуникация и реклама.

Факт переписки (1564–1579 гг.) бежавшего в Литву Андрея Курбского — человека из высшего эшелона власти — с самим русским монархом Иваном IV является беспрецедентным в отечественной истории. Он свидетельствовал о бурной политической жизни, отразившейся в пяти письмах (три Курбского и два Ивана Грозного), о крайнем напряжении в политической элите, о поисках объяснения сложившейся ситуации и выхода из нее, о необходимости внятно заявить свою позицию. Надо помнить и о том, что в идейной схватке сошлись два мощных литературных таланта, два идеолога. Этой переписке посвящена огромная литература, научная, научно-популярная и художественная. Нашей задачей является выявление и анализ тех ее эпизодов и элементов, которые служили целям политической рекламы и коммуникации в современном их понимании, но с учетом тех форм и особенностей, которые были присущи той эпохе. В таком разрезе переписка не рассматривалась, хотя исследователи сознавали, как пишет М.Д. Булавин, что «тесная связь литературы с жизнью породила особое внимание к слову как орудию политической борьбы. Неслучайно именно в это время особую популярность получает жанр послания, причем открытого послания. Эта тенденция достигает своей кульминации, когда

за перо берется сам царь Иван Грозный, чтобы в жанре открытого письма обосновать свои политические убеждения» [1: с. 3].

Имеет значение и то обстоятельство, что ранее подобная ситуация — заочная дискуссия — была, скорее всего, невозможна, поскольку после Ярослава Мудрого и его сына Всеволода на Руси князья нечасто отличались высокой образованностью, которая очевидна в случае с царем Иваном Грозным. Образованность Курбского была для своего времени тоже скорее исключением. Не было и такого феномена, как политическая эмиграция, хотя бегство за границу, точнее, переход к другому сюзерену, что являлось признанной феодальной нормой, было явлением нередким.

В основе первого письма Курбского лежит перечень упреков царю и перечисление своих достоинств и достижений: водил полки царские и всегда одерживал победы, страдал от ран, переносил разлуку с семьей. Присутствует постоянная апелляция к Богу как высшей и объективной инстанции. Памфлетный стиль посланий Курбского поддерживается чередой вопросов, содержащих обвинения в адрес царя: зачем истребил «сильных во Израиле?», «в чем провинились и чем прогневали тебя христиане — соратники твои?» [3: с. 119–121]. Андрей Курбский, без сомнения, сознавал, что его письмо станет известно широкому кругу читателей, в том числе сочувствующих ему, и позднее, в третьем послании, напишет об этом. Он фактически взялся быть выразителем их настроений, и в этой политической коммуникации в расчете на сочувствие и, возможно, взаимодействие проявилась новация, ранее невозможная, хотя примеры обращения через послания известны: например, широко расходившиеся письма старцев в дискуссии иосифлян и нестяжателей. Таким образом, политическая коммуникация во второй половине XVI века становилась действенным и опасным средством. И пользовался Курбский этим средством не в первый раз. Еще до отъезда (или бегства) в Польшу он обратился к старцам Печорского монастыря. Как пишет авторитетный исследователь эпохи Ивана Грозного Р. Скрынников, «в послании к печорским старцам Курбский нарисовал картину полного упадка и оскудения дворянства, бедственное положение купцов и землевладельцев, задавленных непомерными податями. Послание Курбского в Печорский монастырь позволяет заключить, что высшая знать, подвергшаяся гонениям и казням, готова была бросить вызов самодержавному монарху от имени всех чинов. На пороге полного разрыва с царем Курбский сознавал себя защитником как своей “братии” несправедливо гонимых князей и бояр, так и разоренного дворянства и низших сословий» [4: с. 314]. Для настоящего исследования важно то обстоятельство, что Курбский писал не только царю, но и широким кругам недовольных в России. Его послания и старцам, и царю становились объединяющим и вдохновляющим политическим манифестом.

Царь ответил письмом, в двадцать раз превышающим объем послания Курбского. Уже это свидетельствовало о том, что он сильно задел царя. Да и сам монарх сознался: «Писание твое принято и прочитано внимательно» [3: с. 125].

Концептуальное заявление царя содержится в самом начале письма и заключается в том, что «исполненное… истинного православия самодержавство Российского царства началось по божьему изволению». Сам он, царь Иван, «божиим повелением» воцарился. И в этом смысл «христианского смиренного ответа бывшему прежде истинного православного христианства и нашего самодержавия боярину и советнику, и воеводе, ныне же отступнику… и губителю христиан» [3: с. 122–123]. Добавлялось много других оскорбительных эпитетов и выражений: «отступившему от поклонения божественным иконам, и поправшему все освященные установления, и святые храмы разорившему, осквернившему и поправшему священные сосуды и образа», нарушившему «крестное целование», совершающему «злобесный собачий умысел», «измену, недоброжелательство и бессовестную нерадивость», «смердящему гнуснее кала» [3: с. 123, 127]. Надо признать, что подобными характеристиками и определениями царь Иван заметно продвинул вперед сферу политической дискуссии, которая является отправной точкой политической коммуникации. Далее царь, обильно цитируя и пересказывая в качестве аргументации в свою пользу Священное Писание, повторяет и нюансирует во множестве редакций свое первоначальное утверждение. Сам при этом сознает, что бесконечно повторяется: «Пишу все одно и то же». Но повтор является одним из приемов коммуникации для достижения цели. Иногда эти добавления и повторы существенны: «...мы не насилием добыли царство, тем более поэтому, кто противится такой власти — противится богу!». В свою политическую дискуссию-перепалку оба, как видно, настойчиво вовлекали Господа. Грозный заявлял, что его власть от Бога, и он, царь, не хочет быть «под властью попа и вашего злодейства», «кто тебя поставил судьей или властителем надо мной?» [3: с. 124, 127, 129, 131]. Если следовать этой логике, то нападки на царя есть нападки на Бога. А это уже сформулированная политическая позиция, озвученная в России и дошедшая до зарубежья. Это уровень превосходящий политическую рекламу, но требующий ее для подкрепления главного постулата. И Грозный выполняет эту задачу: «Царь не страшен для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро, а если делаешь зло — бойся, ибо царь не напрасно меч носит» [3: с. 129]. Чеканность подобных царских формулировок напоминает плакатный стиль. Они легко запоминаются, они однозначны, формально с ними трудно спорить. Такие требования предъявляются сегодня к политическому слогану, и, как видим, стиль успешно осваивается с давних пор. Даже есть чему поучиться.

В пылу полемики проскакивают интереснейшие цитирования, которые можно назвать теоретическими и которые не потеряли своего значения до сегодняшнего дня и уж точно должны учитываться в политической сфере. Иван Грозный обращает внимание на мысль, содержащуюся в соборном послании Иакова: «Язык — огонь, прикраса неправды, таково место языка в теле нашем, что все тело может он осквернить и опалить весь круг жизненный, и сам

опаляем ядом» [3: с. 130]. Весь стиль его послания говорит о том, что он осознает опасность, исходящую от слов и мыслей Курбского — выдающегося мастера языка.

Базовая идея Грозного о том, что власть его от Бога и неподсудна никому, кроме Бога, дополняется существенными соображениями. Одно из самых принципиальных звучит так: «многоначалие и многовластие» пагубны и многие страны погибали от этого. Царь усиленно пропагандирует единоначальную форму правления, пользуясь активно историческим материалом: «Какое разорение было на Руси, когда в каждом городе были свои начальники и правители» [3: с. 134].

Другое соображение Грозного заключалось в том, что он не признает обвинений в истреблении своих соратников, а если и казнит, то это его историческое право: «А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить». Заявка была сделана однозначная и означала, что на попятную царь не пойдет. Этот посыл был услышан российской элитой и произвел тягостное впечатление. Грозный в качестве аргумента приводил горькие воспоминания своего детства: «Ни в чем нам воли не было», «когда же исполнилось нам пятнадцать лет, то взялись сами управлять своим царством, и, слава богу, управление наше началось благополучно». Далее Грозный формулирует политическую антирекламу на своих приближенных: самого Курбского, Алексея Адашева, Сильвестра, Дмитрия Курлятьева, — пытаясь доказать их нелояльность, пренебрежительное к себе отношение, свою способность управлять самостоятельно.

Царь в своем ответе пользуется очень старым политическим приемом — он лжет: «Никаких козней для истязания христиан мы не придумываем, а, напротив, сами готовы пострадать ради них в борьбе с врагами не только до крови, но и до смерти» [3: с. 138, 139, 140–143, 155]. Многочисленные факты истязаний, пыток, казней были уже широко известны, и Грозный пытается оправдаться, отчетливо сознавая, что его ответ станет широко известен. Он фактически обращается к большой аудитории и пытается взять инициативу в свои руки в этом незримом, но в какой-то степени судьбоносном диалоге. Идет напряженная борьба за влияние на нее. Это обстоятельство во все времена было составной частью политической борьбы и в данном случае проявилось практически в классической форме.

Второе послание Курбского Ивану Грозному было названо им «Краткий ответ Андрея Курбского на препространное послание Великого князя Московского». Ответ на обширное первое письмо царя представляет собой фактически инструкцию о том, как писать политические тексты и вести политическую полемику. Курбский предельно четко уловил недостатки и промахи царского послания и сосредоточился на их критике, формулируя свой подход уже не столько к содержанию послания и его основным тезисам, а к тому, что должен представлять собой ответ в подобной ситуации. Проделал Курбский

это изящно и убедительно, сохранив при этом свой блистательный литературный стиль. Он сознавал свои таланты: «А хотел, царь, ответить на каждое твое слово и мог бы написать не хуже тебя, ибо по благодати Христа моего овладел по мере способностей своих словом древних» [3: с. 164].

Первым и главным недостатком он считает то, что письмо царя «широковещательное и многошумное». Проистекает это от того, что «оно от неукротимого гнева с ядовитыми словами изрыгнуто». Иначе говоря, вести такую полемику, поддаваясь чувствам, нельзя. Думается, автор прав в этом утверждении и это актуально и для наших дней.

Далее Курбский обвиняет царя в начетничестве, неумении выбрать у цитируемых авторов главное. Грозный ссылается на их тексты «со многой яростью и злобой, не строчками и не стихами, как это в обычае людей искусных и ученых, когда случается им писать, в кратких словах излагая важные мысли, а сверх меры многословно и пустозвонно, целыми книгами» [3: с. 163]. И здесь Курбский прав: излишнее и затянутое цитирование отвлекает внимание читателей, даже раздражает, снижая эффект воздействия главной мысли, которая порой ускользает совсем. Политическая же коммуникация требует предельной четкости, без отвлечения на детали.

И Курбский подмечает этот досадный промах царя. Тот легко перескакивает с важных тем на мелочи: «Тут же и о постелях, и о телогрейках и иное многое». Царь забывает, что его письмо будут читать и «ученые и знающие люди», и «простые и дети», «а тем более посылать в чужую землю, где встречаются и люди, знающие не только грамматику и риторику, но и диалектику и философию» [3: с. 163]. Курбский фактически обвиняет царя Ивана в невежестве. Конечно, это было не совсем так: царь проявил свои немалые познания, но продемонстрировал также полное отсутствие культуры политической дискуссии, поскольку вырос и воспитался в условиях, где этому негде было учиться, а затем он привык быть единственным оратором. «Иван — один из лучших московских ораторов и писателей XVI века, потому что это был самый раздраженный москвич того времени, — писал В.О. Ключевский, — не считающимся с мнением других и построение и смысл своей речи не подлежащими критике» [2: с. 178]. И уж тем более он не привык учитывать мнение хоть и просвещенной, но далекой зарубежной аудитории. Похоже, Курбский приоткрыл царю глаза на это обстоятельство. В итоге второе послание Грозного будет по объему равно первому письму Курбского, т. е. будет в двадцать раз меньше собственного первого. Царь смог сделать надлежащие выводы, и это тоже было частью политической реальности, по крайней мере, в переписке. Таким образом, в какой-то мере изменения произошли. Когда царь получил второе послание Курбского, неизвестно, и получил ли вообще, но косвенным доказательством, что все-таки получил, служит стиль второго послания Грозного: краткий, менее эмоциональный, менее пафосный и при этом более эффектный. Точно известно только то, что свое второе послание, не надеясь, что

оно дошло в первый раз, Курбский присовокупил к третьему, найдя и в этом обстоятельстве повод для уязвления царя: даже письма до тебя не доходят, так крепко ты закрыл от внешнего мира страну [3: с. 172].

Следует еще раз обратить внимание на то, что авторы, по крайней мере, Курбский, отчетливо сознавали, что факт их переписки не является частным делом, а известен широкому кругу современников и в России и за рубежом. Этим осознанием они отдавали себя, свои заявленные позиции на их суд, что является логичным следствием публичности факта. И те элементы политической рекламы, которые ощутимо присутствовали в посланиях, тоже адресовались многочисленным свидетелям словесной дуэли.

Курбский не только поучал царя, как нужно обращаться с цитированием, но и показывал пример этого: «Вместо того, чтобы утешить меня, пребывающего во многих печалях, словно забыл ты и презрел пророка, говорящего: “Не оскорбляй мужа в беде его, и так достаточно ему”» [3: с. 163]. Выпукло поданная мысль в цитате, отсутствие лишнего контекста резко повышала ее «убойность». Она легко запоминалась и могла быть использована читателями. И даже в финальной части второго послания, когда пафос повысился, и Курбский переносил их спор перед «престолом Христа», он не удержался от поучения относительно манеры ведения дискуссии: «Скажу, что не подобает мужам благородным браниться, как простолюдинам, а тем более стыдно нам, христианам, извергать из уст грубые и гневные слова, о чем я тебе не раз говорил и раньше» [3: с. 164]. Получалось, что царь был в курсе хороших политических манер, но урока не усвоил.

В своем втором послании Грозный, по сути, повторил тезисно то, что содержалось в первом. Звучало это так: «Вы, которые не только не захотели повиноваться мне и слушаться меня, но сами мною владели, захватили мою власть и правили, как хотели, а меня устранили от власти: на словах я был государь, а на деле ничем не владел» [3: с. 166]. Аргументы своим оценкам царь увидел в победах русского оружия в Ливонской войне, в том, что «провидение обратило на нас свою милость». И завершает царь свое второе послание наглядной, по его мнению, и действительно впечатляющей на тот момент политической презентацией успехов: «Писано в нашей отчине Ливонской земле, в городе Вольмере (откуда было отправлено первое послание Курбского. — *В.И.*), в 7086 году (1577 г.), на 43-м году нашего правления, на 31-м году нашего Российского царства, 25-м — Казанского, 24-м — Астраханского» [3: с. 105]. Реклама и вправду получилась убедительной, но только на время. Уже в 1579 году русские войска будут вытеснены из Прибалтики, и у царя не будет оснований заявить: «Писано в нашей отчине Ливонской земле». Примечательно, что царь пользовался таким приемом неоднократно. В частности, в Послании шведскому королю Юхану III в 1572 году, т. е. четырьмя годами раньше он таким же образом закончил послание. Для политической рекламы повтор базовых позиций имеет большое значение, и Иван Грозный смог уловить этот нюанс и был по-своему прав.

Третье послание Курбского Ивану Грозному называлось «Ответ царю Великому Московскому на его второе послание от убогого Андрея Курбского, князя Ковельского». С учетом изложения в предыдущем письме Грозного его полного царского титула, Курбский делает хитрый ход в политической дуэли: опускает «титул свой великий и пространный», показывая этим, что не титулы являются главным предметом в их противостоянии [3: с. 168].

Курбский берет под защиту своих единомышленников, в частности протопопа Сильвестра, который много лет пытался, по его словам, врачевать душу Грозного: «Преподобный, ради трудноизлечимого недуга твоего, прибегал к пластырям: то язвительными словами осыпал тебя и порицал и суровыми наставлениями словно бритва вырезал твои дурные обычаи… Ты же не вспомнил о том. А порой он словно уздой крепкой и поводьями удерживал невоздержанность твою и непомерную похоть и ярость» [3: с. 169–170]. Перед нами урок политического воспитания в ходе полемики. Имея возможность ничего не скрывать, Курбский говорит правду, к которой царь не привык или от которой давно отвык. Собственно царская трактовка прошедших событий дополняется новой, противоположной и предельно некомфортной для него. Даже если он ее отвергает, он будет ее знать в неприкрытой, откровенной форме, что тоже значило немало. Еще значимее было то обстоятельство, что известна она будет множеству посторонних людей, неподвластных царю. И неистовая натура Ивана Грозного должна была отреагировать каким-то образом на это обстоятельство. Практика показала, что он адекватных выводов не сделал. На третье послание Курбского царь уже не ответил.

В этом послании Курбский перечисляет свои дела уже после бегства из России, которыми он гордился и которые были противоположностью того, что творил Грозный. Он, Курбский, не разорял и не жег православных церквей. Командуя войсками, он отказался идти в поход на Россию в союзе с крымским ханом, «несмотря на повеление королевское». «Потом и сам король удивился и похвалил меня», — пишет Курбский.

Прекрасный, как и царь, знаток библейской и русской истории, он, перечислив случаи, когда московские князья выступали как изменники Руси и как убийцы, делает вывод-приговор: «И тот ваш издавна кровопийный род» [3: с. 171]. Политическая дуэль перешла на высокие беспощадные ноты, хотя и до этого не отличалась мягкостью. Финальные оценки Курбским Ивана Грозного звучат пророчески: «Ныне в какую бездну глупости и безумия развращения низвергнут ты из-за своих мерзких маньяков и лишился здравого смысла!» Используемые Курбским определения однозначны по смыслу и чеканны по форме: «лютость твоей власти»; «поучись у мудрейших и покори и подчини в себе звериную часть божественному образу и подобию».

Курбский вновь возвращается в конце третьего послания к общественному резонансу от их переписки: «А если в непомерной гордости и зазнайстве думаешь про себя, что мудр и что всю вселенную можешь поучать, пишешь

в чужие земли чужим слугам, как бы воспитывая их и наставляя, то здесь над этим смеются и поносят тебя» [3: с. 175, 178]. Коммуникация, видимо, срабатывала не так, как бы хотел Грозный. Явное игнорирование осведомленности аудитории, которая могла знать о содержании переписки, свидетельствует об определенной, даже значительной, неопытности царя в части диспутов и повышенном самомнении. К тому же Курбского нельзя было, как пастора в завоеванной Прибалтике, ударить, сидя при этом на лошади, грязно обозвать и поехать прочь. Этот эпизод хорошо изложен В.О. Ключевским: «В 1577 г. на улице в завоеванном ливонском городе Кокенгаузене он благодушно беседовал с пастором о любимых своих богословских предметах, но едва не приказал его казнить, когда тот неосторожно сравнил Лютера с апостолом Павлом, ударил пастора хлыстом по голове и ускакал со словами: “Поди ты к черту со своим Лютером”» [2: с. 179]. Этот эпизод наглядно демонстрирует фундаментальную неготовность царя к равноправному диалогу и пониманию значения политической коммуникации.

Финал переписки складывался явно не в пользу русского царя. Аргументы Курбского были убедительнее, понятнее, эффективнее. Политическая реклама непривычных царю ценностей была доступнее для достаточно широкого круга предполагаемых читателей, чем многословные отступления монарха к библейским сюжетам. Переписка стала известна широким слоям и в России, и в Польше, и Литве, и, скорее всего, в других европейских странах. Она подтвердила то, что значение политической рекламы, коммуникации и PR становилось все ощутимее. Пренебрежение этой сферой политического бытия могло иметь драматические последствия. Этот вывод актуален и по сей день.

Литература

1. *Булавин М.Д.* Переводы и послания Максима Грека. Л.: Наука, 1984. 280 с.
2. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. Т. 2: Курс русской истории. М.: Мысль, 1988. 448 с.
3. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / АН СССР; [отв. ред. Д.С. Лихачев]; текст подгот. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. Л.: Наука, 1979. 431 с.
4. *Скрынников Р.* Великий государь Иоанн Васильевич Грозный: в 2 т. Смоленск: 1996. Т. 1. 438 с.; Т. 2. 427 с.

Literatura

1. *Bulavin M.D.* Perevody’ i poslaniya Maksima Greka L.: Nauka, 1984. 280 s.
2. *Klyuchevskij V.O.* Sochineniya: v 9 t. T. 2: Kurs russkoj istorii. M.: My’sl’, 1988. 448 s.
3. Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim / AN SSSR; [otv. red. D.S. Lixachev]; tekst podgot. Ya.S. Lur’e, Yu.D. Ry’kov. L.: Nauka, 1979. 431 s.
4. *Skry’nnikov R.* Velikij gosudar’ Ioann Vasil’evich Grozny’j: v 2 t. Smolensk, 1996. T. 1. 438 s.; T. 2. 427 s.

V.A. Isakov

Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbski in the Development of Political Communication

For the first time in domestic historiography the article considers the importance of the correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbski in the formation and development of political advertising and communications in Russia. This study was carried out on the basis of historical — typological and comparative — historical methods. The author shows the clash of two fundamentally opposing approaches in understanding of the essence of political discussion, its place in public life.

Keywords: correspondence; discussion; political communication and advertising.